На правах рукописи

ХАРЛУШИНА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА

ФУНКЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «СВЕТ» В СИСТЕМЕ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ М.В. ЛОМОНОСОВА

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2010

Работа выполнена на кафедре теории литературы и истории русской литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Зверева Татьяна Вячеславовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Созина Елена Константиновна
(ГОУ ВПО «Уральский государственный университет»)

кандидат филологических наук, доцент
Шушакова Галина Николаевна
(ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»)

Ведущая организация: Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики

Защита состоится «26» октября 2010 года в «10.00» часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06. в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 2, аудитория 221.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ www.lib.udsu.ru.

Автореферат разослан «23» сентября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Н.Г. Медведева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Классицизм – одно из самых сложных и противоречивых направлений в русской культуре. Формирование классицизма в России происходило позднее, чем в европейских странах. Отсюда необыкновенная интенсивность развития литературы XVIII века, ее ускоренный характер. В силу определенного ряда исторических причин наиболее репрезентативным жанром в русской литературе становится ода (в отличие, например, от французского классицизма, где главное место в иерархии жанров занимала трагедия). Ни в одной из европейских литератур ода не имела такого большого значения, как в России. Востребованность данного жанра была обусловлена его идеологической составляющей: ода стала необходима новой идеологии, поскольку именно в ней происходило утверждение новых государственных ценностей. Возникновение и развитие жанра оды дало ключ к пониманию историко-литературного процесса XVIII века.

Настоящее диссертационное исследование обращено к изучению жанра торжественной оды и её функциональности. Данная проблема – одна из ключевых при рассмотрении специфики русской словесности XVIII века. В зависимости от того, как будет решен «основной» вопрос, зависит и осмысление литературной эпохи в целом. Не случайно жанр оды неизменно привлекал к себе внимание выдающихся исследователей (Ю.Н. Тынянов, Л.В. Пумпянский, Г.А. Гуковский, А.В. Западов, И.З. Серман и др.).

Несмотря на то, что жанр оды на протяжении длительного времени постоянно находился в центре исследовательского внимания, мы сочли возможным в своей работе обратиться к тем аспектам, которые, на наш взгляд, не получили в литературоведческой науке должного освещения. Обращает на себя внимание тот факт, что на сегодняшний день отсутствуют целостные исследования, обращенные к проблеме функционирования оды. В работах Г.А. Гуковского, Л.В. Пумпянского, А.В. Западова, Т.В. Смоляровой, Т.Е.Автухович, Е.А. Погосян, Т.В. Зверевой и других учёных эти вопросы ставились, но, как правило, не решались комплексно. Современному литературоведению необходимо расстаться с мифом о непротиворечивости одического жанра. Любая попытка свести оду к единой линии, обозначить главенствующую функцию текста, так или иначе, обречена на неудачу, поскольку данный жанр представляет собой сложное образование. Не менее сложными являются и механизмы его функционирования.

Как известно, в пределах жанра торжественной оды постоянно варьируется определенный набор тем и мотивов (Россия, Елисавета, мир, тишина, свет и т.д.). При этом один и тот же «тематический комплекс» одновременно восходит к множеству

традиций (античная, фольклорная, книжно- церковная, светская и т.д.), что в значительной степени осложняет интерпретацию, казалось бы, «прозрачных» (М.Фуко) текстов.

В настоящем диссертационном исследовании мы обратились к одному из главных мотивов творчества Ломоносова – мотиву света и попытались описать его функции в составе жанра, учитывая его исходную амбивалентность. **Актуальность** избранной темы обусловлена, таким образом, необходимостью обновления концепции жанра торжественной оды в современной литературной науке.

Несомненно, центральное место в истории русского классицизма занимает имя М.В.Ломоносова. **Объектом** данного диссертационного исследования является жанр торжественной оды в самых значимых его проявлениях. Мы обращаемся главным образом к поэтическому наследию М.В. Ломоносова, а для сравнения привлекаем также оды Ф. Прокоповича, В.К. Тредиаковского, В.И. Майкова, В.В. Капниста, А.Н. Радищева и других поэтов XVIII столетия.

Предмет настоящего исследования – тематический комплекс «свет» в его функциональном проявлении.

Цель диссертационного исследования – исследование функций мотива света в одах М.В. Ломоносова.

Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач:**

1. Показать, что в основании всех уровней русской культуры XVIII века (архитектура, скульптура, живопись, поэзия, наука) лежит идея грядущего преображения мира в свете, что и определяет ее специфику в целом.

2. Выявить существенные компоненты тематического комплекса «свет» и проследить эволюцию «световых формул» в русской поэзии XVIII века (Ф. Прокопович, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, В.И. Майков, В.В. Капнист, А.Н. Радищев).

3. Охарактеризовать поэзию М.В.Ломоносова с точки зрения использования «световых формул» и их переосмысления в составе торжественной оды.

4. Описать двойственную природу жанра торжественной оды, который воплощает неразрывное единство книжно-церковной традиции и традиции фольклорной.

5. Обозначить функции торжественной оды в литературном процессе XVIII века.

Методология работы обусловлена сущностью рассматриваемых явлений. В основании настоящего диссертационного исследования лежит культурологический подход, представленный в трудах Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.Н. Топорова, В.М.Живова, теоретические труды по истории русской литературы Ю.Н. Тынянова,

Л.В.Пумпянского, Г.А. Гуковского, Н.Ю. Алексеевой. Понимание тематического комплекса восходит к трудам Т.Л. Власенко, М.Л. Гаспарова, А.К. Жолковского.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые описана многофункциональность мотива света в поэтических произведениях М.В. Ломоносова, что дает возможность более глубокого постижения путей развития жанра торжественной оды в истории русской литературы.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней углублены представления о поэтике М.В. Ломоносова, выявлена внутренняя антиномичность одического жанра.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русская культура XVIII столетия, стремясь к грядущему преображению мира, неизменно апеллировала к световым сюжетам.

2. «Световой сюжет» претерпевал значительные трансформации на протяжении всего XVIII века. В творчестве С. Полоцкого, Ф. Прокоповича, К. Тредиаковского свет теснейшим образом связан с тем комплексом смыслов, который сложился в православной церковно-книжной традиции. В творчестве М. Ломоносова, А. Сумарокова, В. Майкова, В.Капниста происходит переосмысление «светового сюжета» – свет соотносится не с религиозными ценностями, а с ценностями государственного порядка. В конце столетия обнаруживается еще одна трансформация «световой формулы». «Свет» окончательно утрачивает свою связь с породившей ее традицией и оказывается знаком природного мира. Это та естественная среда, в которой разворачивается лирический сюжет стихотворений.

3. «Световая формула» является первичной (инвариантной) формулой в составе жанра торжественной оды. Это один из наиболее устойчивых элементов жанра, который не претерпевает значительных изменений на протяжении всего творчества М. Ломоносова.

4. Сюжет преображения в свете является определяющим для жанра торжественной оды, само содержание которой мыслится как текст просветления. При этом космогоническая функция в ломоносовских одах оказывается первичной.

5. Мотив света напрямую связан с фольклорной традицией, в частности, с «заговорами на власть». «Мотив окружения небесными светилами» играет ведущую роль в составе од М.В. Ломоносова. Торжественная ода не только показывала идеальный порядок вещей и явлений, но и способствовала сохранению этого порядка.

6. Преображение мира посредством Божественного света – одна из основных идей, лежащих в основании Священного Писания. В системе ломоносовской оды «свет» соотносится с православной церковно-книжной традицией и культом Богородицы, характерным для русской культуры в целом.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть широко использованы в преподавании школьных и вузовских курсов «История русской литературы XVIII века», «Русская культура XVIII века», а также спецкурсов и спецсеминаров по теории литературы, фольклористике.

Апробация основных положений и выводов диссертации осуществлена в докладах, прочитанных на IV Международной научно-методической конференции «Литература в контексте современности» (г. Челябинск, 2009), на XXXVII итоговой студенческой научной конференции (г. Ижевск, 2009), на Межвузовской научной конференции «Кормановские чтения» (г. Ижевск, 2009).

Основные положения работы нашли отражение в пяти публикациях, две из которых – в Вестнике Поморского университета «Гуманитарные и социальные науки», рекомендованном ВАК.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование изложено на 161 странице и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 174 наименования.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность избранной темы «Функции тематического комплекса «свет» в системе торжественной оды М.В. Ломоносова»; определены объект и предмет исследования; сформулированы цель и задачи работы; обозначены научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации; изложены основные положения, выносимые на защиту; дан обзор научной литературы с точки зрения как жанровой принадлежности оды, так и своеобразия стилевой манеры М.В. Ломоносова.

Первая глава «Идея света в русской культуре XVIII века» посвящена осмыслению специфики эпохи Просвещения, внутренне ориентированной на идею преображения мира.

В **первом параграфе «Ориентация культуры XVIII века на идею грядущего преображения»** мы обращаемся к выявлению одного из основных смыслопорождающих механизмов, лежащих в основании эпохи Просвещения. Данное столетие осознавало себя как эпоху разума и света. Осознание того, что все подлежит обсуждению и должно быть выяснено средствами разума, составляло одну из отличительных черт эпохи Просвещения. Однако источник света (во французском языке слово «просвещение» звучит как «свет» — «lumiere») новая культура видела не в Вере, а в Разуме. XVIII век стремился к познанию наук, постижению глубоких истин, формированию просвещенного общества. Основу просвещенческой идеологии государства создавал монарх, основная

функция которого заключалась в установлении упорядоченной структуры империи, созидании всеобщей гармонии. Конечная цель подобной деятельности – преображение мира. Российский монарх, таким образом, вырастал в фигуру космического значения.

Стремление изменить мир, преобразить «тьму» в «свет» охватило собой все сферы культуры. В русском языке наблюдается слияние значений слов «свет» и «мир» («Земля», «страна»): «Свет – это мир, который виден и потому может быть познан» [Колесов: 232]. Таким образом, новая государственная идеология, пафосом которой является просвещение умов, обращалась к архетипам народного сознания. Почитание света было обычным для славян. Мир, воспринимаемый как свет, отождествлялся с Россией, чающей грядущего преображения. Синонимия «света» и «мира» оказалась символичной для названия самой эпохи. Закономерна в данном контексте и исходная этимологическая связь таких слов, как «свет» и «проСВЕЩение». Само терминологическое обозначение эпохи (Просвещение), как показал В.Н. Топоров, было напрямую связано с концептом «свет» [Топоров: 120]. Таким образом, просвещение было связано с духовным началом, а его непосредственная цель – созидание светлой России с руководящим в ней софийным началом. При помощи «софийного» света должно было осуществиться дело преображения мира. Эпоха преодолевала «тьму» и «хаос» прошлого, стремилась к установлению новой реальности.

Наиболее полно идея «света» проявила себя в архитектуре XVIII столетия. Открытые зрению петербургские панорамы символизировали окончательную победу «света» над «тьмой», «Космоса» над «Хаосом». Архитектура петровского времени ассоциируется в первую очередь со строительством петербургских пригородов: ансамбль Петродворца неотделим от идеи света. Солярная символика пронизывает этот величественный ансамбль (фонтаны с водными чашами-зеркалами, отражающими свет солнца, позолоченные скульптуры, статуи львов и т.д.). Общеизвестно, что Петродворец соперничал с дворцом французского короля Людовика XIV (Версаль), которого именовали «Король Солнца». Петродворец затмил великолепие Версаля, соответственно, Петр I одержал победу над «королем солнца». Архитектурные и скульптурные строения Петродворца олицетворяют благополучие царствования Петра I под покровительством всемогущего Света – главного символа эпохи ПроСВЕЩения.

Идея «lumiere» нашла свое отражение и в иллюминациях, ставших символом классицистического столетия. Ночь, способная с помощью разноцветных огней превратиться в день, символизировала полную власть человека над тьмой. Человек, таким образом показывая свою власть над огнем, стремился подчинить себе стихию света.

Получившая в XVIII веке ускоренное развитие русская наука также обращается к изучению света и светил. В частности, именно в это время в России возникает интерес к астрономии, за которым скрывается стремление человеческого разума постичь природу небесных светил.

Таким образом, идея грядущего преображения мира в свете определяет специфику русской культуры XVIII столетия.

Во втором параграфе «Свет как «первометафора» русской литературы XVIII века» рассмотрена динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века.

Почти все поэты XVIII века стали проводниками проСВЕТительских идей: «световой» сюжет организует внутренний смысл произведений Ф. Прокоповича, В.К.Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста, М.Н. Муравьева, А.Н. Радищева и др.

Проявив себя еще в текстах конца XVII века (в частности, в стихах С. Полоцкого), а затем в жанрах церковной проповеди и похвального слова (творчество Ф. Прокоповича), «световая формула» активно разворачивается в оде. В начале XVIII столетия зарождающаяся светская литература восходит к книжно-церковной традиции, поэтому в произведениях С. Полоцкого и Ф. Прокоповича метафора света имеет религиозные коннотации. Активно внедряясь в одические тексты классицистов (В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов, В.И. Майков, В.В. Капнист, Г.Р. Державин и др.), «формула света» формирует идеологический контекст, заданный пафосом новой эпохи. Свет, соотнесенный с личностью монарха, символизирует благополучное будущее, аллегорически противопоставляется «темному» прошлому. Отождествление России, а также ее монарха с ослепительным светом, сиянием, блеском является отличительной чертой одического жанра в русской литературе.

Вплоть до 1770-1780-х гг. наблюдается единство одической «топики». Несмотря на то, что в середине столетия формируются два различных направления в развитии оды – «ломоносовское» и «сумароковское», можно говорить и об относительном единстве этих линий. Так, в частности, «общим местом», объединяющим «сумароковскую» и «ломоносовскую» школы, явилось активное использование «световых формул». При этом следует отметить функциональное единство метафор, переходящих из одного текста в другой. Можно обнаружить поразительную схожесть ломоносовской и сумароковской «световых формул». К примеру, почти одинаково звучат у поэтов сравнения времени до-царствования монархини – с мрачным небом; а воцарения императрицы – с ясным лучом (Ломоносов: «Екатеринины доброты / ***Сияли*** к нам из ***мрачных туч***, / Но больше тем Ея щедроты, / Чем выше и ***яснее луч***» [Ломоносов 1959: 791]. Сумароков: «Тобой восшел

наш ***луч полдневный*** / На ***мрачный*** прежде горизонт, / Тобой разрушен облак гневный, / Свирепы звезды пали в понт» [Сумароков: 49]). Нетрудно также уловить у обоих поэтов единство «световой формулы», которая проявляется в «осиянии» царского венца (У Ломоносова: «***Лучи*** от Твоего, / Монархиня, ***венца*** / В четыре разлились / Вселенныя конца. / Европа, Африка, Азия / Чудятся ***ясности***, от коея Россия / ***Сияет***, чрез концы земны просвещена» [Ломоносов: 393].У Сумарокова: «Не сносят никогда во гробы / Цари ***сияния венца***, / ***Сиянье*** царские особы / Есть имя подданных отца» [Западов 1985: 214]).

Таким образом, следует говорить об определенном периоде русской классицистской поэзии, который характеризуется относительной неподвижностью световых метафор. Именно этими «неподвижными», как бы «застывшими», формулами обеспечивается концептуальное единство русской поэзии.

Вместе с тем, уже в 1770-1780-е гг. «световые формулы» утрачивают свою «идеологичность». Об этом свидетельствует поэтическая система Г.Р. Державина, в творчестве которого световой мотив меняет свое значение. В раннем творчестве поэта (ода «Фелица») еще встречается свет, соотносимый с восхваляемой поэтом политикой Екатерины II: «Тебе единой лишь пристойно, / Царевна! ***Свет*** из тьмы творить» [Муравьев: 76]. В дальнейшем происходит переосмысление светового сюжета. Бытие в державинской поэзии преисполнено света, мир сияет, блестит, озаряется солнцем. Отныне свет напрямую не связан с темой императорского величия, как это было в творчестве предшествующих поэтов. В державинской поэзии, таким образом, наблюдается выход за пределы одической идеологии. Свет (=сияние) становится свойством мира вообще, а не атрибутом конкретного монарха.

«Свет» в своем идеологическом значении начинает исчерпывать себя и в стихотворениях поэтов-сентименталистов (М.Н. Муравьев, Е.И. Костров, Н.М. Карамзин, И.Н. Дмитриев и др). Так, например, в поэзии М.Н. Муравьева свет впервые предстает как категория переменная, в то время как тьма властно заявляет свои права. Не случайно поэт сосредоточен на живописании ночных состояний мира («Ночь»). День утрачивает свои права, а солнечный свет становится выражением «минувшего», «утраченного», того, чем когда-то обладал поэт. Именно здесь происходит зарождение элегических формул.

Со временем функция «световых формул» переходит в иное качество. Свою идеологическую функцию тема света окончательно исчерпывает. Свет отныне становится признаком природного мира, а не императорского величия. На данном этапе своего развития метафора света изменяет свою функцию и становится своеобразным средством создания пейзажа в лирике.

Во второй главе «Мотив света в системе ломоносовской оды» рассматривается мотив света в поэтическом творчестве М.В. Ломоносова, детально описываются основные составляющие (компоненты) тематического комплекса «свет», показывается отсутствие его динамики.

Тематический комплекс «свет» включает в себя следующие компоненты:

1. Солнце: «Как ***ясной солнца лучь*** в немрачной утра час, / Как Твой приятной взор отрадой ***светит*** в нас./ В Тебе с величеством ***сияет*** к нам приятство» [Ломоносов 1959: 70].
2. Огонь: «Мы ныне, празднуя той час благословенный, / ***Огнями*** кажем ***огнь***, во всех сердцах ***воженный***. / И естьлиб с внутренним ***огнь*** внешний равен был, / Он выше бы восшел в ночь ***блещущих светил***» [Ломоносов 1959: 533].
3. Блеск, сияние, ясность: «***Яснее возсиял*** Елисаветин ***блеск***» [Ломоносов 1959: 532].
4. Звезда: «Щастливая ***звезда*** на Горизонт ***блистала,*** / Когда Елизавет России ***воссияла***» [Ломоносов 1959: 365].
5. Заря: «***Заря багряною*** рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с ***солнцем*** за собою / Твоей державы новый год» [Ломоносов 1959: 215].
6. Луна: «О солнце, не стыдись: краснейшая ***луны*** / Богиня к нам грядет Российския страны» [Ломоносов 1959: 274].
7. Взор: «Так ныне милость и любовь, / И ***светлый*** Дщери ***взор*** Петровой / Нас жизнью оживляет новой» [Ломоносов 1959: 96].
8. Имя: «Велика ***Анна,*** Ты доброт / ***Сияешь светом*** и щедрот» [Ломоносов 1959: 30].
9. Корона: «Ты восхищаешь ум, как ***солнце*** вознесена; / ***Корона***, с Твоея главы лиюща ***свет***» [Ломоносов 1959: 642].

Очевидно, что все компоненты рассмотренного нами мотивного комплекса взаимосвязаны друг с другом: они либо являются синонимами света, либо ассоциируются со светом. Интересно заметить, что категория света является у Ломоносова всеобъемлющей. При этом, с одной стороны, императрица оказывается как бы порождением внешнего света, а с другой – она сама излучает свет, насыщая им пространство. Эта двойная направленность света – отличительная черта одического стиля. Как известно, принципы одописания оставались неизменными в творчестве Ломоносова на протяжении 1740-1760-х гг. Это единство одического мира не в последнюю очередь было обеспечено постоянством метафор, одной из которых является метафора «царь-солнце». Если «свет» есть абсолютное благо, то метафора огня используется Ломоносовым двояко: с одной стороны, огонь ассоциируется со светом, а с другой – с опасностью и разрушением. При этом наблюдается следующая закономерность: «свет»,

как правило, исходит из высшего (божественного) мира, в то время как «огонь» – признак земного, тварного мира. Именно поэтому в торжественных одах Ломоносова огонь становится характеристикой земных дел. Не случайно метафора огня последовательно разворачивается в описаниях батальных сцен (в этом случае актуализируется разрушительная сила стихии).

Отдельный интерес представляет мотив звезды. Важно отметить, что, как это ни парадоксально, ночные светила у Ломоносова в большинстве случаев не соотнесены с тематикой ночи. Звезды – источник света; они у поэта ночью заменяют дневное светило. По своему внутреннему смыслу «звезды» – ночной эквивалент «солнца», они пронизывают мглу, преображая ее. В поэтическом мире Ломоносова «звезда» часто оказывается символом «высшего» мира. Если «солнечный свет» – свойство мира вообще, его непременная составляющая, то «звездный свет» – свойство небесного мира, противопоставленного «нискому»:

И так, представим с Ней едину славу гор.

Оне за облака, оне к ***звездам*** восходят [Ломоносов 1959: 552].

Сходной с функцией звездного света оказывается функция лунного света. Свет, излучаемый императорской властью, способен осветить ночное пространство. Так, в «Надписи на прибытие ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1749 года» поэт называет Елизавету «Богиней луны»:

О солнце, не стыдись: краснейшая ***луны***

Богиня к нам грядет Российския страны [Ломоносов 1959: 274].

Важно отметить, что сравнения монархов с луной встречаются у Ломоносова значительно реже. Столь нечастое обращение поэта к данному образу вполне объяснимо. Лунарные мифы, как правило, противопоставлены мифам солярным. Обращение к лунарным мифам будет характерно для романтического этапа. Ломоносов же – представитель классицизма, для которого свойственно изображение «дневной» реальности, причем в образах идеальных, тяготеющих ко всеобщему образцу.

Вокруг «огня», «света» и «звезд» выстраивается целая лексическая группа, восходящая к значению «исходящего света» – «блеск», «сияние», «ясность» («свет…родственно др.-инд. …sviteti «блестеть, мерцать» [Фасмер: 575-576]). Об активности употребления Ломоносова данной группы слов свидетельствуют следующие цифры: слово «блеск» встречается 67 раз, «сияние» – 70 раз, «ясность» – 74 раза.

Итак, метафора света становится ключевой в одах М.В. Ломоносова. В одическом жанре «свет» оказывается первичным понятием, ибо основная тема оды – преображенная светом Россия. При этом «световые формулы» в творчестве М.В. Ломоносова не

претерпевают значительных изменений на протяжении его творчества, они выполняют идеологическую функцию. Анализ всего поэтического творчества показал, что динамика «света» внутри ломоносовской системы одописания отсутствует. Вероятно, это связано с тем, что и сами оды поэта отличаются статичностью, неподвижностью смысла.

Третья глава «Функции «света» в торжественной оде М.В. Ломоносова» обращена к различным функциям «светового сюжета» в творчестве М.В.Ломоносова.

В **первом параграфе «Космогония ломоносовской оды»** жанр торжественной оды М.В. Ломоносова рассматривается с точки зрения включенности в него космогонического мифа.

В основании всех ломоносовских од лежит структура космогонического мифа. Согласно схеме сотворения мира, настоящее возникает из прошлого (хаоса); свет рождается из первозданной тьмы. В силу этого торжественная ода неизменно восходит к бинарной структуре. Настоящий порядок противопоставлен тому прошлому, которое в системе оды мыслится как окончательно преодоленное. Подобное противопоставление можно представить схематически следующим образом:

ХАОС (ПРОШЛОЕ)	СВЕТ (НАСТОЯЩЕЕ)
тьма	/ свет (солнце)
ночь	/ день
прошлое	/ настоящее
печаль (горе)	/ радость (веселье)
война	/ мир
небытие	/ бытие
зима (осень)	/ весна
туча	/ луч
холод	/ тепло
буря (вихрь)	/ тишина

Всякий раз, описывая очередной приход к власти того или иного монарха, поэт соотносит его со светом, новым днем, радостью, весной, миром. Сама деятельность монархов осмысляется Ломоносовым как прорыв из тьмы к свету. Осмысление государственного правления в космических масштабах приводит к тому, что любое событие рассматривается как победа над разрушительными силами, окончательное преодоление хаоса и мрака. Таким образом, жанр торжественной оды несет в себе «память» о космогонии, наиважнейшая тема оды – сотворение мира из частей мироздания. В результате космогонических превращений возникает совершенно новый порядок. Таким образом, «свет» как бы участвует в созидании нового космоса.

Структура основного мифа обнаруживает себя как в жанре оды, так и в жанре надписи на иллюминацию. Анализ текстов показал, что миф о сотворении мира проявляется в поэзии Ломоносова по-разному. Например, имеются примеры, где Ломоносов разворачивает лишь «базовое» для мифа противопоставление тьма/свет. В данном случае мы имеем дело с инвариантной структурой, с так называемой основной формулой космогонического мифа. Вместе с тем, встречается большое количество текстов, в которых одна строфа насыщена целым комплексом вариативных оппозиций (ночь/день, печаль/веселье, хлад/солнце, тучи/лучи, зима/весна, война/мир и т.п.). Таких развернутых формул у Ломоносова гораздо больше, причем в своем развернутом виде они представлены как в ранних (начиная с оды 1739 года), так и в поздних произведениях. Вместе с тем у Ломоносова нет ни одной(!) оды, где бы космогонический миф не присутствовал. Подобная «космизация» является отличительной чертой творчества поэта. Таким образом, несмотря на свою различную представленность в ломоносовских текстах, космогонический миф определяет семантику и структуру жанра торжественной оды. Данное положение еще раз подтверждает исходный тезис о статике ломоносовской оды, которая не претерпевала значительных изменений на протяжении «отведенного ей» периода.

Во **втором параграфе «Соотнесение тематического комплекса «свет» с фольклорной традицией»** ода М.В. Ломоносова рассматривается нами как словесная часть заговора, раскрывается один из элементов заговора в поэтическом творчестве М.В.Ломоносова – «мотив окружения небесными светилами».

Отречение от предшествующего типа культуры и утверждение принципиально новых эстетических и этических принципов определяет специфику просветительской эпохи. Однако внешние декларации не всегда совпадают с действительным положением вещей. Словесность XVIII столетия была неразрывно связана, с одной стороны, с церковно-книжной литературой, с другой – с фольклором, с народной культурой. В данной части работы нас интересовал вопрос о наличии «заговорной традиции» в составе жанра торжественной оды. Следует помнить, что Ломоносов – выходец из семьи поморов, проживавших в Архангельской области, вблизи Холмогор. Будущий поэт еще с детства вобрал в себя фольклорные традиции Русского Севера, которые в дальнейшем нашли отражение в его творчестве. Интересно, что распространение «мотива чудесного одевания» характерно именно для северных районов России (архангельские, холмогорские, каргопольские, пинежские, северодвинские заговоры).

Как известно, «заговор» (или «оберег») – это группа магических словесных или предметных действий, направленных на предотвращение опасности. По мнению

Е.Е.Левкиевской, одним из наиболее сильных средств защиты являлся свет: «Действенным способом не допустить нечистую силу в охраняемое пространство является его освещение, заполнение пространства светом. Свет – не просто средство, отпугивающее нечистую силу, а сущность, присутствие которой делает невозможным одновременное нахождение в этом пространстве сил зла» [Левкиевская: 156]. «Одевание светом, солнцем, зарей, облаком или месяцем относится к наиболее поэтичным и запоминающимся мотивам русских заговоров. В научной литературе он известен как «мотив чудесного одевания», «формула космического ограждения» или «мотив окружения небесными светилами» [Топорков 2005: 210]. Наиболее развернутые версии данного мотива характерны для заговоров, призванных воздействовать на власть. При этом заговор включает в себя несколько компонентов: чудесное одевание, чудесное «освещение», уподобление человека свету и солнцу, самообожествление, путешествие в мифический мир, увеличение размеров тела и его слияние с космосом, манипуляции с небесными светилами, защита от опасности (огораживание, опоясывание) и т.д.

Нетрудно заметить, что большинство из перечисленных компонентов заговора представлено в одах М.В. Ломоносова. «Мотив окружения небесными светилами» у Ломоносова проявляет себя не только в сравнении царей с солнцем, светом, сиянием, блеском, но и в «одевании» их небесными телами, а также в развернутых описаниях небесных светил. Поэт прибегает к «мотиву окружения небесными светилами» буквально в каждой оде. В одних одах встречаются лишь частичные его элементы: «Не в сих ли образ всех Елисаветы зрим? / Она взошла к ***звездам*** величеством своим» [Ломоносов 1959: 552]. В других – мотив проявляет себя в развернутом виде: «Отворенный Елисавете / Ея преславных предков храм / ***Сияет*** в бесконечном ***свете***, / По ***звездным*** распростерт полям. / Среди Геройскаго собора / ***Лучем*** божественного взора / ***Яснейший*** протчих дух Петров / При входе ***светозарной*** двери, / Десницу простирая Дщери, / К себе в ***небесный*** вводит кров» [Ломоносов 1959: 753-754].

Многочисленные примеры солнечного мотива в одах Ломоносова можно объяснить тем, что поэт опирался на народное представление о солнце и свете. Традиционно, «свет» – это воплощение миропорядка, красоты, истинности, праведности. Народ издревле почитает солнце как главное явление природы. Освещение и заполнение охраняемого пространства светом является действенным способом не допустить в него деструктивные силы. Соответственно, можно говорить о том, что «световые формулы» ломоносовских од – это не что иное, как оберег, защита императора и государства.

Рассмотренный в данной части работы заговорный элемент в одах М.В. Ломоносова представлен довольно широким спектром действия. Анализ показал, что «мотив

космического ограждения» включает в себя различные вариации заговорных форм: это и само «ограждение», и «чудесное одевание» (облачение в небесные одежды), и окружение пространства небесными светилами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из функций жанра похвальной оды был оберег, или защита.

Присутствие заговорной традиции в составе одного из самых репрезентативных жанров русского классицизма еще раз доказывает, что народная традиция никогда не прерывалась, в творчестве великого русского поэта обнаруживается живое течение как народной, фольклорной, так и книжной культуры.

В третьем параграфе «Мотив света у М.В. Ломоносова в контексте религиозной традиции» показано, что тема света в торжественной ломоносовской оде связана с христианской традицией. Несмотря на то, что светская литература декларировала разрыв с предшествующей религиозной (православной) традицией, внутренне эта литература была неразрывно связана с корпусом канонических новозаветных текстов.

«Световые» образы являются основными составляющими в православно-религиозных текстах. В творчестве М.В. Ломоносова прослеживаются мотив Божественного света, одного из важнейших для церковно-книжной традиции. В своем творчестве Ломоносов неизменно апеллирует к православному образу Богородицы. В силу самого разного рода причин поэт избегает прямого сравнения Императрицы с Богородицей, но присутствием православной топики отмечена едва ли не каждая ода. Богородичный мотивный комплекс представлен в первую очередь через «световой спектр» торжественной оды. Наделяя императрицу божественными атрибутами, облачая ее в небесные световые одежды, Ломоносов создает миф о Новой Богородице. В ряде текстов описание отчаяния сменяется описанием радостного просветления, душа поэта озаряется божественной Благодатью, оживает и возносится в заветные небеса. Экстатические видения, переполняющие поэзию Ломоносова, придают ей особый смысловой оттенок. Избавление от «печальнейшей ночи», «скорби», «горя», как правило, происходит благодаря снисхождению Царицы, ниспосланной свыше для того, чтобы спасти «многи народы». Ожидание чудесного спасения связывается с очередным нисхождением Небесной Девы.

Как известно, культ Богородицы является одним из важнейших для русской культуры. Внутренняя ориентация ломоносовской оды на данный образ, конечно же, не случайна. Парадокс литературы середины XVIII века как раз и заключается в том, что внешний отказ от православной образности одновременно сопровождался и ее усилением. Ломоносовская ода апеллировала к «архетипам» народного сознания. Цель оды – пробуждение мистического света в теле и душе человека. «Подмена» образов, по-

видимому, не смущала поэтов эпохи Просвещения. Императрица, чье восшествие каждый раз описывалось в очередной оде, не только «восходила», но и «сходила» в образе Царицы Небес – «Девы Утолительницы печалей». Этот образ был наиболее близким и понятным народу. Именно такой образ внушал надежду на ближайшее «утоление печали» и грядущее преображение мира. Проекция образов Анны Иоанновны, Екатерины I, Елизаветы, Екатерины II на прообраз Богородицы была почти прямой вследствие того, в библейских текстах он предельно обобщен, лишен какой бы то ни было конкретики. Именно этим фактом обусловлена та абсолютная творческая свобода, с которой русские поэты «интерпретировали» свои видения. В своей известной книге «Диалектика Просвещения: философские фрагменты» Т.В. Адорно и М.Хоркхаймер отмечали: «В любом произведении искусства его стиль представляет собой не что иное, как обещание <…> Это обещание произведения искусства установить истину путем запечатления образа в социально признанных формах является столь же необходимым, сколь и лицемерным. Оно утверждает реальные формы существующего порядка вещей в качестве абсолютных тем, что внушает ложную надежду на исполнение чаемого в сфере эстетических дериватов. В этом отношении претензия искусства всегда также оказывается претензией идеологии» [Хоркхаймер: 226]. С этой точки зрения, ода есть «эстетическое обещание» грядущего чуда.

Таким образом, своеобразие литературы Просвещения заключается в том, что она попыталась установить новую истину путем актуализации ею же отрицаемых форм. Апелляция к образу Богородицы в очередной раз продемонстрировала, что новая культура катастрофически не могла обойтись без отвергаемой ею традиции.

В данной части исследования мы также обратились еще к одному аспекту проблемы. В литературоведении сложилась устойчивая традиция противопоставления жанров торжественной и духовной оды Ломоносова. Действительно, данные жанры являют собой крайние полюса поэтической системы Ломоносова. Если торжественная ода исходит из понимания мира как антропоцентрической системы, то ода духовная восходит к идее теоцентризма. По сути, мы имеем дело с двумя гимнами – гимном Человеку и гимном Богу. Однако подобное противопоставление снимается, если ориентироваться на глубинные пласты ломоносовского творчества. На наш взгляд, в основании государственной оды лежат идеи, возводимые к религиозной сути мира и творчества.

Преображение мира посредством Божественного света стало отправной точкой для выполнения главной задачи Ломоносова – пробудить в людях дух просвещения, усовершенствовать Российское общество. Глубокое религиозное понимание того, что лишь Божественная премудрость, проникая в человеческий разум, истинно просветляет,

просвещает и наставляет его, составляло основной смысл ломоносовского поэтического творчества. В целом же можно сказать, что христианские мотивы, звучащие в торжественных одах М.В. Ломоносова, оказались своеобразной формой обращения к прошлой традиции, несмотря на то, что век Просвещения подразумевал принципиально новые формы мышления и творчества. Будучи людьми религиозными, православными, поэты XVIII века опирались на многовековую культурную традицию, и ее присутствие может быть обнаружено при внимательном прочтении их произведений. Утверждение новой (чаемой) реальности оказалось невозможным без привлечения той системы образности, которая определяла пути русской культуры на протяжении XII – XVII вв.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сделаны выводы в соответствии с поставленными задачами, определены прогнозы будущих исследований.

Итак, идея света, грядущего преображения, характерная для культуры XVIII века в целом и поэзии в частности, способствовала распространению жанра торжественной оды, утверждающего новые государственные ценности. Именно в пределах данного жанра тема света получила свое наиболее полное разрешение.

В ходе исследования мы сосредоточили свое внимание на изучении жанра торжественной оды М. Ломоносова. На наш взгляд, именно в творчестве этого поэта «световой сюжет» достиг своей кульминации. Методика анализа внутритекстовых отношений позволила выявить множество вариантов воплощения «светового сюжета». В результате был сделан важный вывод о том, что «световая формула» является первичной (инвариантной) формулой в составе жанра торжественной оды. Закономерно, что она оказывается одним из наиболее устойчивых элементов жанра и не претерпевает значительных изменений на протяжении всего творчества М. Ломоносова.

Мы пришли к выводу о многофункциональности идеи света. Выявленная полифункциональность является принципиальной, благодаря ей возникает та многозначность смысла, которая обеспечивает центральное положение оды в иерархии классицистких жанров.

В заключительной части исследования мы обратили внимание еще на один аспект проблемы. Несомненно, ломоносовская ода соотносится как с античной традицией, так и с последующей европейской традицией. Вместе с тем, нигде метафора света не играет такой роли, как в русской литературе. Своеобразие русской оды, по-видимому, обусловлено сильнейшим влиянием церковно-книжной традиции. «Световой сюжет» оказывается определяющим, и он связан с тем комплексом представлений и верований, которые характеризуют русскую православную культуру. Следовательно, можно говорить о том, что на становление одического жанра в России повлияла церковно-книжная

словесность, и ее влияние можно определить как первичное. Это еще раз подтверждает мысль о преемственности традиции. Светская литература наследует предшествующую культуру, все изменения и трансформации носят исключительно внешний характер. Мысль о преображенной и спасенной России объединяет оду с основной идеей русской культуры и истории.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях:**

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Харлушина, А.А. «Мотив чудесного одевания» в поэтическом творчестве М.В. Ломоносова [Текст] / А.А. Харлушина // Вестник Поморского университета: серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып. № 12. – Архангельск, 2008. – С.227-229.

2. Харлушина, А.А. «Световые формулы» в торжественной оде М.В. Ломоносова [Текст] / А.А. Харлушина // Вестник Поморского университета: серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып. №10. – Архангельск, 2009. – С.241-243.

Публикации в иных изданиях:

3. Харлушина, А.А., Зверева Т.В. Мотив Богородицы в торжественной оде М.В.Ломоносова [Текст] / А.А. Харлушина, Т.В. Зверева // Литература в контексте современности: сб. материалов IV Международной научно-методической конференции / Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2009. – С.99-102.

4. Харлушина, А.А. Ода и оберег: об одном «скрытом» сюжете в творчестве М.В.Ломоносова [Текст] / А.А. Харлушина // XXXVII итоговая студенческая научная конференция: Материалы конференции / УдГУ. Ижевск, 2009. – С.247-248.

5. Харлушина, А.А. Ода и оберег: об одном «скрытом» сюжете в творчестве М.В.Ломоносова [Текст] / А.А. Харлушина // Вестник УдГУ. Серия 5: История и филология. Вып. 3. Ижевск, 2009. – С.134-136.

Харлушина Алла Александровна

Функции тематического комплекса «свет» в системе торжественной оды М.В. Ломоносова

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Подписано в печать 22.09.2010.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 1,0. Уч. изд. л. 1,2.

Тираж 110 экз. Заказ № 669.

Типография КОГУП «Редакция газеты «Вятско-Полянская правда»

612961 Кировская обл., г. Вятские Поляны, ул. Ленина, 39.